

— Деньги — это ещё не всё. Чтобы купить мясо, нужны талоны. Одних денег недостаточно. Сегодня вам удалось купить мясо, но это уже нарушение правил. — Дедушка Лю с жалостью посмотрел на внука, который мечтал о мясе. В то время в Китае не было изобилия продуктов, и многие люди всё ещё голодали.

В их уезде Вэйчэн было несколько бедных деревень, где в прошлые годы люди умирали от голода. В последние два года ситуация улучшилась, и молодые люди начали уезжать из дома в поисках работы, чтобы хотя бы не голодать.

— Дедушка, мой дядя говорил, что в Хайши и Шэньчжэне уже отменили талоны. Там теперь можно купить что угодно, если есть деньги. Судя по текущей ситуации, скоро так будет по всей стране. Талоны — это временная мера из-за нехватки ресурсов. Когда экономика страны улучшится, они исчезнут. — Гу Яо говорил с уверенностью, что заставило Лю Сычэня задуматься. В этот момент он почувствовал, что этот парень из Пекина действительно отличается от других.

Он не был похож на Лю Чансина, который каждый день думал о том, как усердно учиться, чтобы в будущем жить хорошо. Он не был похож на Чёрную Обезьяну и А-Хуа, которые каждый день веселились и шалили. Он получил лучшее образование, имел доступ к более обширной информации и лучше понимал ситуацию в стране и в это время.

В этот момент Лю Сычэнь ещё больше осознал, что этот парень — настоящий горожанин. Он был из будущего, спустя 40 лет, и знал общие тенденции экономического развития. Как и говорил Гу Яо, плановая экономика рано или поздно превратится в рыночную, а талоны исчезнут, став маленькой волной в потоке истории.

Дедушка Лю кивнул Гу Яо.

— Великий человек говорил, что будущее принадлежит вам. Вы с Чэньчэнем должны хорошо учиться и однажды покинуть деревню Люцзя, чтобы увидеть мир.

— Я возьму дедушку с собой! Мы поедим в Хайши, посмотрим на небоскрёбы, прокатимся на машине и поедим мяса! — Лю Сычэнь тут же обнял дедушку за руку.

— Хорошо, я жду, когда ты добьёшься успеха. — Дедушка Лю с улыбкой погладил внука по голове.

Поговорив немного, дедушка Лю пошёл мыть посуду, а Гу Яо и Лю Сычэнь вернулись в комнату, чтобы разобрать вещи. Раньше у Гу Яо не было места для хранения вещей в доме Чжао Чуньхуа, и три ящика так и оставались нераспакованными. Теперь в их комнате был книжный шкаф, где лежало несколько книг родителей Лю Сычэня. Дедушка Лю убрал из шкафа ненужные вещи, чтобы Гу Яо мог положить туда свои книги.

Гу Яо открыл один из ящиков и вытащил из-под стопки книг бумажный конверт. Он положил его на кровать и вместе с Лю Сычэнем стал рассматривать содержимое.

В конверте были фотографии, ювелирные украшения и несколько документов на недвижимость.

— Это всё, что оставила мне мама. — Гу Яо бережно взял одну из фотографий. На ней была молодая красивая женщина с мальчиком лет 4-5. Мальчик был маленьким Гу Яо, и сходство с матерью было очевидным.

— Это твоя мама? Она... — Лю Сычэнь догадывался, но не хотел спрашивать.

— Она умерла, заболела. — Гу Яо провёл большим пальцем по щеке матери на фотографии. Его обычно ясное и уверенное лицо впервые выражало смесь тоски и обиды. Глаза слегка покраснели, и в них читалась глубокая печаль.

— Ты очень похож на неё. Она наверняка хотела бы, чтобы ты жил счастливо. — Лю Сычэнь встал на колени и, дотянувшись до головы Гу Яо, мягко погладил его.

— Угу. — Гу Яо ответил с лёгким носовым оттенком, глядя на заботливые глаза Лю Сычэня. В его сердце потеплело. Он вытер лицо и продолжил рассматривать фотографии, убедившись, что они не пострадали от огня.

Лю Сычэнь взял документы на недвижимость и, просмотрев их, был шокирован.

Это были документы на пекинские дома в стиле «сыхэюань»!

Эти участки и площади в 40 лет спустя оценивались бы в миллиарды!

Лю Сычэнь дрожащей рукой схватил Гу Яо за руку и с трепетом спросил.

— Это всё твоё?!

Гу Яо, всё ещё рассматривая фотографии, спокойно ответил.

— Да, это было приданое моей мамы. После её смерти всё перешло ко мне.

— Ты... ты понимаешь, сколько это стоит? — Лю Сычэнь сглотнул. Он даже не мог представить, сколько нулей будет в этой сумме.

Гу Яо наконец повернулся к нему и, увидев его широко раскрытые глаза, полные жадности, не мог сдержать улыбки. Его грусть мгновенно рассеялась.

— Это ничего не стоит. Это наследство старых времён моего деда. Во время смуты их захватили, и теперь в каждом доме живут десятки семей. Хотя у меня есть документы, я не могу их вернуть. — Гу Яо взглянул на документы. Для него эти дома не имели такой ценности, как фотография его матери. Если бы они были ценными, он бы не смог их забрать.

— Ты должен хорошо хранить это. Возможно, в будущем они станут ценными. В любом случае, это твоё, и никто не сможет отобрать. — Лю Сычэнь поспешил напомнить ему. Сейчас они действительно ничего не стоят, но когда законы укрепятся, и рынок недвижимости разовьётся, цены на недвижимость в Пекине взлетят, и Гу Яо станет миллиардером, даже если ничего не будет делать.

— Да, это память о моей маме. Я буду хранить их. — Гу Яо кивнул.

Кровать родителей Лю Сычэня была большой, сделанной из массива дерева, и на ней вполне могли спать двое детей. Однако Лю Сычэнь спал беспокойно, и дедушка Лю, когда спал с ним, мог контролировать его движения. С Гу Яо же такого контроля не было.

Рано утром Гу Яо проснулся от тяжести на груди. Он открыл глаза и увидел, что маленькая голова Лю Сычэня лежит у него на шее, а его тело, словно осьминог, обвилось вокруг него. Маленькая ножка в трусиках лежала на его животе.

В сентябре в горах уже становилось прохладно по утрам и вечерам. Они спали под тонкими одеялами, но одеяло Лю Сычэня уже свалилось на пол. Видимо, ночью ему стало холодно, и он инстинктивно прижался к Гу Яо.

Гу Яо осторожно отодвинул его, поднял одеяло и накрыл им живот Лю Сычэня. Мальчик спал, его лицо было розовым, носик слегка шевелился, а длинные ресницы отбрасывали тень на щеки. Он выглядел спокойным и милым.

В семь утра Чёрная Обезьяна и А-Хуа пришли позвать Лю Сычэня в школу. Гу Яо остался дома читать книги. Он должен был пойти в школу только в следующий понедельник. Лю Сычэнь спросил его и узнал, что Гу Яо было 12 лет, как и Лю Чансину, но он был на год старше и уже учился во втором классе средней школы.

Однако, воспользовавшись переводом, он сразу записался в третий класс. В то время ещё не было интернета, и обмен информацией был ограничен. В его документах было указано только, что он закончил среднюю школу, и он сам написал класс. Школа не стала проверять это в Пекине.

По словам Гу Яо, он просмотрел учебники и понял, что знает материал второго класса, поэтому не хотел тратить год на то, что уже знал.

Лю Сычэнь очень завидовал Гу Яо, который мог закончить среднюю школу за год и пойти в старшую. Он сам был слишком мал, иначе тоже хотел бы сразу пойти в среднюю школу. Ему было тяжело сидеть среди малышей и учить цифры и простые задачи.

Но, несмотря на свой возраст, Лю Сычэнь был белокожим и милым, а также очень умным. Все учителя любили его. В начальной школе Чаннин было всего три класса: первый и второй вместе, третий и четвёртый вместе, а пятый отдельно. Вместе с директором было всего пять учителей.

За исключением строгого учителя китайского языка в пятом классе, все учителя очень любили Лю Сычэня и часто вызывали его на уроках, хваля за ум и старание.

Большинство учителей закрывали глаза на то, что Лю Сычэнь тайком читал медицинские книги на уроках. Ведь он не только не отставал в учёбе, но и умел быть милым.

Ученики начальной школы Чаннин, жившие далеко, обедали в школе. Еду готовила одна из семей деревни Чаннин, и в определённое время её приносили на маленькую площадь перед школой. Ученики с первого по пятый класс выстраивались в очередь, чтобы получить свою порцию.

<http://bllate.org/book/16485/1498002>